

Щербакова Е.И.

НЯНЮШКИНЫ СКАЗКИ

*В Енисейске хозяйка спрашивала:
«Убил, что ли, кого?» — «Нет».
— «Украл?» — «Нет».
— «Так за что же это тебя?» — «Я поляк».
— «Такой молодой, а уже поляк!».
(М.Л. Гаспаров. Записи и выписки. М. 2012. С. 63)*

Эпиграф относится к временам, куда более поздним, чем николаевская эпоха. Однако восприятие ближайших западных соседей массовым сознанием россиян с тех пор мало изменилось. Да и не только массовым... Николай I, как известно, поляков не любил, и это отношение сложилось у императора задолго до восстания 1830—1831 годов.

Немалую роль в становлении личности Николая Павловича сыграла няня, пестовавшая великого князя в течение первых семи лет жизни, — Евгения Васильевна Лайон (Jane Lyon). Шотландка, «дочь лепного мастера», оказалась в Петербурге вместе со своей семьей в ту пору, когда в моду при дворе и в обществе стремительно входило все английское, в соответствии со вкусами российской самодержицы, великой Екатерины. Весной 1784 года в северную столицу прибыли шотландские строители и художники, приглашенные знаменитым зодчим Камероном для работ в Царском Селе. Первоначально контракт был заключен на три года, но многие пожелали остаться в России. Среди них был штукатурный мастер Вильям Лайон (William Lyon), отец нашей героини, который вместе с сыном Егором (George Lyon) принимал участие в строительстве целого ряда царскосельских сооружений.

Российская самодержица Екатерина с восхищением писала о недавно родившемся Николае: «Голос у него бас, длиною он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря»¹. Правда, великий князь Николай Павлович не мог в полной мере насладиться бабушкиными заботами. Екатерина II умерла полгода спустя после его рождения². Но особый штат прислуги, назначенный младенцу по обыкновению русского двора, состоял из лиц, которые были избраны еще до появления на свет августейшего внука великой Екатерины.

Несмотря на пристрастие императрицы ко всему английскому, может показаться странным, каким образом попала в эту компанию мисс Лайон. Весной 1794 года она сопровождала супругу драгунского полковника Чичерина с двумя детьми в Варшаву, где та должна была встретиться с мужем. Момент для путешествия был выбран более чем неудачный. В Польше, пережившей в 1793 году второй раздел, разгоралось восстание за независимость. Войска Тадеуша Костюшко громили русские отряды. 6 апреля, в три часа ночи, госпожа Чичерина и мисс Лайон проснулись от страшного шума. «В испуге мы обе бросились к окошку, — вспоминала Евгения Васильевна, — и, при свете пламени подоженного вблизи нас дома русского посланника Игельстрома, увидели толпы вооруженных людей, стремившихся по улице»³.

Три дня обезумевшие от ужаса женщины вместе с детьми просидели в чулане у стекольщика, который жил по соседству. Однако хозяин не мог скрывать их бесконечно, город кишел шпионами, буйная чернь кричала: «Руби москалей!». Он уговаривал несчастных сдаться в плен, а для большей безопасности советовал мисс Лайон идти вперед и кричать, что она англичанка. Каким присутствием духа должна была обладать эта юная дама, чтобы с двумя детьми на руках под градом пуль выйти на улицу, загроможденную мертвыми телами!

В числе других русских пленниц наша героиня оказалась в здании арсенала, где женщины провели две недели в страшных лишениях.

Облегчением своей участи они снова оказались обязаны мисс Лайон. «Против наших окон поляки осматривали карету одного путешественника; узнав от часового польской милиции, что карета принадлежит англичанину лорду Макартею, — пишет Евгения Васильевна, — я обратилась к нему с просьбою помочь в нашем ужасном положении. Войдя к нам в комнату, он так был тронут представившимся ему зрелищем, что тотчас поехал ходатайствовать за нас у английского посланника. Не далее как в тот же вечер, нам прислали три огромные фуры с соломою, бельем, теплыми одеялами и другими необходимыми вещами, так что в последнюю неделю пребывания нашего в арсенале мы уже не терпели прежней нужды»⁴.

Еще четыре месяца дамы провели в «Брюлевском дворце» при довольно сносном содержании, но, продолжая постоянно опасаться за свою жизнь. Вина их состояла уже в том, что они были русскими. «Перед нашими окнами повесили, за преданность России, князя Четвертинского и вместе с ним восемнадцать других поляков; по словам часовых, та же участь могла ожидать и нас»⁵. Их опасения не были беспочвенными. В реляции А.В. Суворова о вступлении русских войск в Варшаву упоминается «известный злодейством бунтовщик Коллонтай», который намеревался «всех пленных умертвить»⁶.

Затем женщин перевели в здание, где находились другие русские заключенные, в том числе чины посольства. Здесь встретили они весть о своем избавлении. 24 октября русские войска после короткого кровопролитного сражения овладели сильно укрепленным предместьем Варшавы — Прагой. «Страшное позорище видя, затрепетала вероломная сия столица», — рапортовал Суворов, 7 ноября триумфально вступивший в город. «Варшава покоренная встретила победителей своих с восклицанием и народ, который был звероподобен во все время бунта, при вступлении победителей был кроток, яко агнцы. На самом берегу, при переходе мосту, магистрат и все мещанство, вышед во сретение победителей с хлебом и солью, и поднесли городские ключи»⁷.

Робеющие пленницы вновь спрятались за спину мужественной шотландки, оставив ее одну объясняться с вошедшими русскими офицерами. Вот как она описывает встречу с великим полководцем, награжденным за покорение мятежной Польши чином фельдмаршала. «Увидя странный костюм пришедшего с ними (офицерами) старика, я ... не хотела было пропускать его, но стоявшие позади ... сделали мне знак не сопротивляться. Это был — сам Суворов! Войдя в огромную залу, всю увешанную зеркалами, он схватил себя за голову и припрыгивая закричал: «Помилуй Бог, я двадцать лет не видал себя в зеркале!» После этой сцены Суворов вошел в комнату, в которой укрылись дамы, и поздравил их с освобождением ...»⁸

Благодаря твердости характера, проявленной мисс Лайон во время семимесячного заточения в Варшаве, она была представлена ко двору и лично самой императрицей приглашена в няни к великому князю Николаю Павловичу. Решительность и смелость мисс Лайон проявляла и на этом новом посту, не раз поступая наперекор воле старших по званию представительниц «женского легиона», окружавшего высокородного младенца.

Царственные родители не слишком обременяли себя заботами о воспитании отпрысков. Государыня Мария Федоровна уделяла малышу минут десять — четверть часа ежедневно, «кроме только тех случаев, когда присутствие ее отвлекалось частыми, в то время, придворными празднествами и церемониями»⁹. Кроме того, она была холодна и высокомерна с подрастающим Николаем и его братом Михаилом, который родился на полтора года позже¹⁰. Дети видели в ней, прежде всего, императрицу, чрезвычайно строгую во всем, в особенности, в соблюдении придворного этикета.

Государь Павел Петрович показывался в детской тоже нечасто. Хотя был, не в пример супруге, ласков с детьми. Он говорил: «старших моих детей удаляли от меня с минуты их рождения»¹¹, так я, по крайней мере, хочу окружать себя этими, чтобы более с ними сблизиться»¹². Детям позволяли

приходить к отцу в опочивальню, они играли и резвились на полу. Павел I, сбрасывая с себя обычную напускную суровость, шутливо называл мальчиков «мои барашки»¹³.

Когда Николаю минуло пять лет, Мария Федоровна соизволила вплотную заняться сыновьями. С присущей ей немецкой пунктуальностью, императрица разработала очень рациональную систему воспитания. Огромное значение придавалось гигиене и физическому развитию царевичей. Николай и Михаил «спали на железных кроватях. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки, — набитые перьями; одеяло летом из канифаса, а зимою ватное из белой тафты». Прогулки были обязательны в любую погоду. Первыми игрушками великих князей стали деревянные ружья и шпаги, английские головоломки, шахматы, книжки с картинками, музыкальные инструменты. На игрушки августейшая мать не скупилась, считая, что они развивают сообразительность и память малышей. Мальчики играли в мяч, стреляли из лука, удили рыбу, с удовольствием копались в отведенных им садиках¹⁴. В этой практичной системе воспитания не было места изнеженности, но она не давала простора также непосредственности и живости, присущей маленьким детям.

Неудивительно, что именно няня, мисс Лайон, стала так близка маленькому Николаю. Наверное, мальчику легко было общаться с человеком прямым и открытым, вспыльчивым, но отходчивым, — естественным, не имевшим и тени той «методической холодности», с которой с ним обращались другие воспитатели, строго следовавшие наставлениям императрицы. Мисс Лайон нередко баловала малыша, позволяя ему то, что запрещали другие, несмотря на всю ответственность, которую она дерзала брать на себя. Поспорив с братом Михаилом, за которым тоже ухаживала англичанка, кто из двух воспитательниц лучше, Николай в качестве последнего аргумента заявил, что мисс Лайон «все-таки лучше, потому что — добрее»¹⁵. Конечно, она не только потворствовала капризам и шалостям

ребенка, но и заботилась о его развитии. Мисс Лайон выписывала для него из Англии замысловатые механические игрушки, и очень гордилась тем, что именно ей привелось научить мальчика первым православным молитвам.

Взаимная привязанность няни и ее питомца была необычайной, и неизбежное расставание оказалось очень болезненным. В 1803 году, когда Николаю Павловичу исполнилось семь лет, «женскому легиону» следовало сдать свои полномочия более суровым менторам. К мальчикам приставили «кавалеров», обязанных ежедневно представлять Марии Федоровне рапорты о времяпрепровождении и поведении Николая и Михаила. Начались и первые уроки — танцы, музыка, закон Божий и рисование. Французскому языку поначалу обучала мальчиков сама Мария Федоровна. А главным наставником великих князей был назначен генерал М.И. Ламздорф, который считал, что развить и направить к добродетели нравственные и духовные силы детей возможно только при уничтожении всякой самостоятельности. Он шел наперекор их желаниям, способностям и наклонностям. Мальчики не могли вести себя свободно и непринужденно, на каждом шагу их останавливали, упрекали, читали мораль, наказывали и даже били¹⁶.

Николая начали готовить к разлуке с любимой няней исподволь и заранее — одна из воспитательниц рассказывала, что видела во сне, будто мисс Лайон выходит замуж и оставляет службу. Когда двор на лето переехал в Павловск, маленький великий князь не увидел рядом своей любимицы. Мальчик был обеспокоен и расстроен до слез. Он писал ей письма, сквозь краткие слова которых прорывается и любовь, и горечь. «Любезная няня, мне жаль, что вы не пришли. Прошу вас навестить меня» (5 мая). «Моя нянинька! посылаю вам гостинцы ... Я вас люблю и буду всегда помнить» (11 мая)¹⁷.

В июне Евгения Васильевна действительно вышла замуж, теперь она звалась госпожой Вечесловой. Они виделись все реже, но продолжали испытывать друг к другу прежнюю нежность. После одного из посещений бывшей воспитательницы генерал Ламсдорф заметил Николаю Павловичу, что «с возрастом пора бы уже отвыкать от детской привычки бросаться в

объятия няни. Великий Князь на вопрос генерала согласился ли бы он снова воротиться к ней на руки, отвечал таким взглядом и таким вздохом, которые ясно доказывали, что он совсем бы от этого не прочь»¹⁸.

И по восшествии на престол Николай I не забывал свою старую нянюшку, навещая Евгению Васильевну в Аничковском дворце, где ей была отведена квартира, до самой ее смерти (1842).

По словам биографа, император не раз говаривал, что свою ненависть к полякам наследовал от няни, и что «чувство это укоренилось в нем со времени тех рассказов, которые он слышал от нее в первые годы жизни»¹⁹. Не думаю, что мисс Лайон пришло бы в голову развлекать подобными рассказами маленького мальчика. По-видимому, Николай перенес в далекое детство более поздние впечатления, быть может, тех времен, когда пивал у няни чай и слушал воспоминания об ужасах и жестокостях, происходивших в 1794 году в Варшаве. Эта тема могла оказаться актуальной, например, в 1830 году, когда разразилось очередное восстание в польских землях, которые находились под властью Российской империи. В любом случае, влияние «шотландской львицы», как называл ее сам император, на формирование характера «русского державного орла» несомненно.

---

¹ Цит. по: Сидорова М.В. Воспитание царственных отроков // Павел I. Мир семьи. Каталог выставки. М. 2004. С. 29.

² Николай Павлович родился 25 июня 1796 года.

³ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Генералиссимус Суворов. Сборник документов и материалов под ред. Н.М. Коробкова. М. 1947. С. 216.

⁷ Там же. С. 212, 215.

⁸ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 305. Л. 2.

⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 466. Л. 14 об.

¹⁰ Михаил Павлович родился 28 января 1798 года.

¹¹ Воспитание старших сыновей Павла Петровича, Александра и Константина, взяла на себя их бабушка, императрица Екатерина II, буквально отобрав у родителей.

¹² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 466. Л. 19 об.

¹³ Сидорова М.В. Воспитание царственных отроков // Павел I. Мир семьи. Каталог выставки. М. 2004. С. 30.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 466. Л. 40 об.

¹⁶ Сидорова М.В. Воспитание царственных отроков // Павел I. Мир семьи. Каталог выставки. М. 2004. С. 32.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 466. Л. 42.

¹⁸ Там же. Л. 42 об.

¹⁹ Н.К. Шильдер. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб. 1903. Т. 1. С. 4.